1621 1947

ПРОГРАММА ТЕАТРА

MUSEUM AND ARCHIVES
OF RUSSIAN CULTURE
AT RUSSIAN CENTER
2450 Sutter St., San Francisco
California

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

Мы созвучны новой эре,
«Не зевай!» — девиз царит,
Пролезай в любые двери,
Даже там, где вход закрыт!

Для «Петрушки» нет преграды,
Что нас может задержать?!
Рады мы, или не рады, —
Надо ближних развлекать!

Чтобы вы не унывали,
Кой о чем могли забыть,
Мы решили при журнале
И театр еще открыть!

Мы актеры на мгновенье,
Милый зритель, не взыщи,
И особых откровений
В нашей пьесе не ищи.

Как умеем, так играем,
Забываем часто роль,
Пропускаем, привираем,
Раз смешно, — не все равно-ль?

Если с песней и улыбкой
Жизнь встречает человек,
То ему не страшен зыбкий
И колеблющийся век.

Выйдем смело на дорогу,
Через бури и снега!
Так идем же с веком в ногу, —
Верь, что выдержит нога!

ЦЕНА РМ. 2.50

К ИСТОРИИ НАШЕГО ТЕАТРА

Прежде всего необходимо объяснить читателю, как дошли мы до жизни такой, т. е. познакомить его с историей нашего театра.

История эта короткая, но скверная.

Произошла она следующим образом.

Как известно, до сего времени мы издавали юмористический журнал «Петрушка». Тот самый, который «выходит два раза в месяц» (самая веселая шутка, когда-либо напечатанная в журнале!). Нельзя сказать, чтобы издание «Петрушки» шло без сучков и задоринок. Задоринки определенно были, причем такие, что мы стали подыскивать подходящий сучек.

За лицензией для ном. 1-го нам пришлось углубиться в горы, к Тиму ном. 568 (Миттенвальд). Видимо, только очень высокая инстанция (1500 метров над уровнем моря) могла разрешить столь важный вопрос, как издание «Петрушки». Но вскоре этот Тим, почему-то, раздумал, и подкинул нас другому Тиме, ном. 108, который опрометчиво ссудил нам лицензию на ном. 2-й. По этой ли причине, или по другой, но Тима 108 вдруг распался и превратился в ном. 1066. От последнего мы получили разрешение на ном. 3-й, и т. д.

Другими словами, мы уподобились ребенку, которого беспрерывно подкидывают различным матерям. Конечно, каждый Тим был нам как мать родная (не взирая на свою принадлежность к мужскому полу). Но от частого подкидывания нас начало слегка тошнить. Постоянные отнятия от груди очередного Тима привели к тому, что среди сотрудником «Петрушки» стали распространяться детские заболевания: золотуха, почесуха, запой и т. д.

Тем не менее, мы продолжали оставаться, так сказать, в подкидных дурачках. Это довело нас до такой степени душевного расстройства, что мы могли только ходить из угла в угол и бессмысленно напевать:

Тим-тим-тим-тим,
Мы печататься хотим!

Но, оказывается, это были еще счастливые времена. Так сказать, золотые дни Аранжуэца. В одно прекрасное утро Тимы были лишены своих материнских прав, в нашей типографии лопнул отопительный котел, наш наборщик решил жениться, — и в результате этих космических катаклиз выход журнала сильно задержался.

«Петрушка» не выходил. Зато мы выходили из себя. Мы были полны жажды деятельности (и, вообще, жажды) и заминка с «Петрушкой» была как нельзя более некстати. Если журнал, хотя бы временно, замирает, а сотрудники продолжают существовать, обычно создается тяжелое положение.

Идея театра, как все гениальные идеи, явилась совершенно случайно. Собираясь у художника Кузи, и будучи в чрезвычайно нервном настроении, мы часто выходили в ванную, чтобы приложить холодный платок к пылающему лбу, (а также в другие подсобные помещения).

При этом мы систематически забывали тушить свет.

Кузина хозяйка ходила за нами следом, выключала свет, и в отчаяньи восклицала:

— Дас ист абер айн театер!

Постоянные вопли доброй старушки и навели нас постепенно на роковую мысль — появиться на сцене.

— Раз нам случалось ночевать под мостами, значит сумеем выступить и на подмостках! — горячо уверял Шерри-Бренди, обходя присутствующих с чарой зелена-вина.

— Моя жена устраивает столько сцен, что, наконец, и мне хочется устроить какую-нибудь сцену! — заявлял граф Жорж Де-Пи со своей стороны.

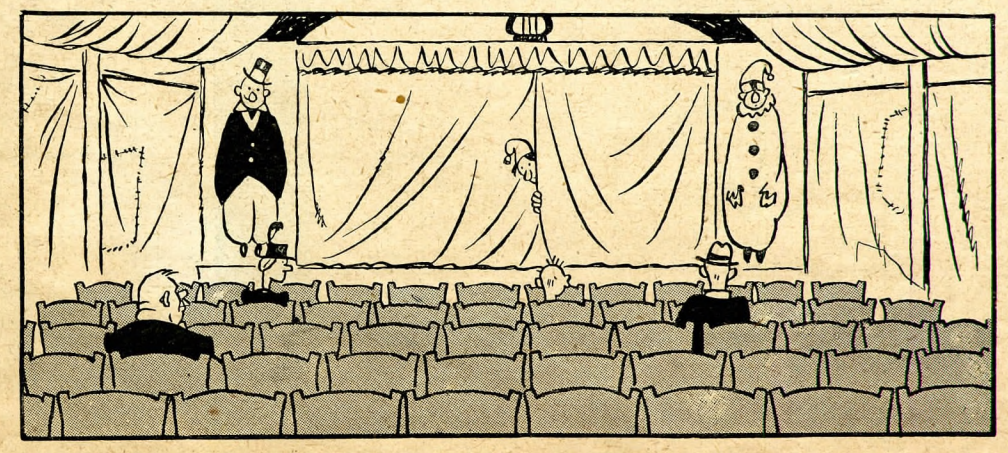
— Вер-рно! Ну, и отколем-же мы перед публикой номерок! — кричал в восторге энтузиаст Кузя.

Так зародился театр «Петрушка». Пока исполнятся времена и сроки, мы успеем повеселить публику другим способом.

Словом —

Дорогой читатель, верь, —
Мы живучи, точно кошка!
Если нас выводят в дверь, —
Возвращаемся в окошко!

Илья Ирклеев.



Премьера театра «Петрушки» проходила при переполненном зале.

ВНИМАНИЮ ПУБЛИКИ.

Как читатель, вероятно, уже успел заметить, мы открываем, вдобавок ко всему, еще театр «Петрушки». Программе наших предстоящих выступлений, нашему репертуару, а также вопросам театра вообще, мы посвящаем настоящий выпуск.

Желая поставить нашу сценическую, работу с самого начала на должную высоту, мы сразу же открыли при театре студию для молодежи и буфет. Ученики нашей студии оказались очень способными и принимают участие в первом же спектакле «Петрушки», как это видно из приводимой на след. странице программы.

Мы надеемся, что публика встретит наш театр так же тепло, как она встречала и встречает наш журнал.

Петрушечники.

В ПОИСКАХ СЮЖЕТА

В поисках за интересными фабулами и сюжетами для наших будущих театральных постановок мы просмотрели тысячи библиотек, картотек и пинекотек.

Мы заглядывали в древние саги, руны и отрывные календари.

Мы перелистывали египетские папирусы и углублялись в ассиро-вавилонскую клинопись.

Но самый оригинальный сюжет, при этом романический, мы обнаружили у нашего соотечественника и даже современника, — у поэта Агнивцева.

Вот он:

Случай в Сент-Джемском парке.

Нет черней физиономий
Ни в Тимбукту, ни в Танжере,
Чем у некоего Томми
И его подруги Мэри.

Этот Томми с этой Мэри,
Вспыхнув страстью вроде спирта,
Порешили в ближнем сквере
Ночью встретиться для флирта.

Целый день, бродя в истоме,
Оба думали о сквере...
Вот и ночь, — но где же Томми?
Вот и ночь, — но где же Мэри?

Неужели разлюбили,
Хоть клялись любить до гроба?!
Нет! Их клятвы в прежней силе,
И они явились оба.

Отчего же незаметно
Их тогда в притихшем сквере?
Оттого, что одноцветны
С черной ночью Том и Мэри!

Так всю ночь в Сент-Джемском
сквере,
Сделав сто четыре круга,
Черный Томми с черной Мэри
Не могли найти друг друга.

Агнивцев.

ИСКУССТВО В МАССУ, А ДЕНЬГИ В КАССУ!

MUSEUM AND ARCHIVES
OF RUSSIAN CULTURE
AT RUSSIAN CENTER
2450 Sutter St., San Francisco
California

Анонс! Анонс!

Первый спектакль театра

„ПЕТРУШКА"

В ШЛЯЙСГАЙМЕ, ФРАЙМАНЕ И ДРУГИХ ЛАГЕРЯХ

а также

В КАРФАГЕНЕ, ПОМПЕЕ, ТРОЕ, ГРАДЕ КИТЕЖЕ И ДР. КРУПНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЦЕНТРАХ

ИСПОЛНЕНО БУДЕТ:

I Отделение

ЛИЦЕНЗИЯ НА ДЕВЯТОМ МЕСЯЦЕ

ТЯЖЕЛАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА

в 2-х актах, 4711 явлениях, с прологом, эпилогом, подлогом, превращением и отвращением

Первый акт — вышеупомянутая драма, второй — судебный акт о привлечении автора к ответственности.

МАССА НЕОЖИДАННОГО ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ И АРТИСТОВ!

ДЕТЕЙ И НЕРВНЫХ ПРОСЯТ УДАЛИТЬСЯ!

Действующие лица:

1. Граф Жорж Де-Пи — Он же.
2. Шерри-Бренди — Шерри-Бренди
3. Художник Кузя — тот же Кузя
4. Поклонник «Петрушки» — Ученик театральной студии «Петрушки» Юра Баритонов
5. Балетная пара — Уч-ки театр. студ. «Петрушки» Шагинян и Арутян Тер-Психоровы
6. Донна Мавра Гоноррар — Петина мама
7. Петина мама — Донна Мавра Гоноррар
8. Петя — Петя
9. Писатель Некрасов — Премьер Большого, Малого и Среднего театров Велизарий Гиндукуш-Гималайский (он же граф Де-Пи)
10. Мельпомена (муза театра) — Юлия Дезабилье
11. Гробовщик-Конферансье — Мафусаил Гиль
12. Дух «Петрушки» — он же

телохранители, солдаты, драбанты, сержанты, пейзане, народ, пожарные, контролеры УНРРА, криминаль-полиция и Эм-Пи — не участвуют.

II Отделение

ДИВЕРТИСМЕНТ

(ВЕСЕЛЫЙ, КАК НАДГРОБНЫЙ МОНУМЕНТ!)

«Бурлаки» — потрясающая сцена из народной жизни по изв. картине И. Репина. — Участвует вся труппа

Ария Джима из оперетты «Роз-Мари»
Ария из оперетты «Мартин Рудокоп».
Вальс из оперетты «Корневильские Колокола» — Юра Баритонов

Эксцентрический танец — Уч-ки театр. ст. «Петрушки» Коля и Оля Дрыгунтан

«Нинон» — музыкальная сценка — Ю. Дезабилье, Ю. Баритонов

Дуэт из оперы «Сильва» — Уч-ки театр. ст. «Петрушка» Сима и Фима Вприпрыжкины

«Адын Ды-Пи идьот...» — восточная мелодия на западной почве — Мафусаил Гиль

Красочный лубок «Кокосы и штатенлосы» (мы за океаном) с частушками — **? ? ?**

У рояля— Маргарита Д'иссонанс.

Конферансье — **Мафусаил Агасферович Гиль,** сотрудник похоронно-увеселительного бюро «Переселение и увеселение душ». Взялся конферировать нашу труппу заявив, что привык иметь дело с трупами.

Режиссер — после генеральной репетиции просил не предавать его имя гласности.

Музыка — хотели сделать нечто вроде Глинки, но получилось Гуно.

Декорации — маргариновые. Ввиду дороговизны масла, вместо масляных красок, выполнены на маргарине (достали по 150 кило!)

Танцы — все пляски от Австралии до Аляски. Граф Жорж Де-Пи соло: пляска св. Витта.

Световые эффекты — мюнхенская электростанция.

Заведующая кулуарами, аксессуарами и прочими уарами — Петина мама (надо же и старушке подработать!)

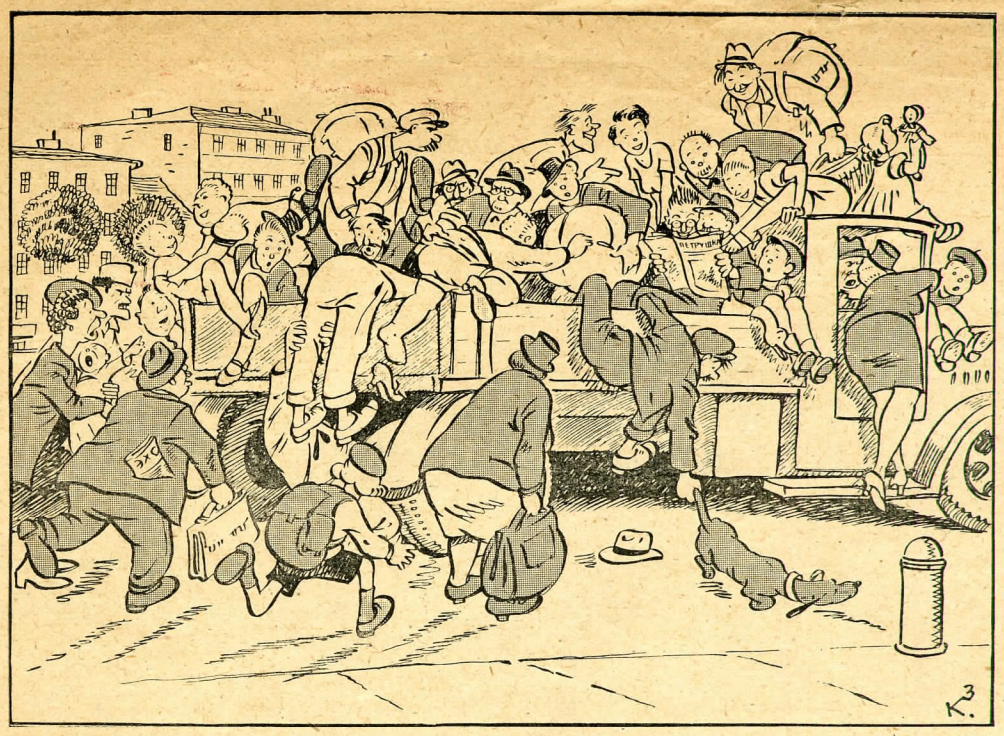
Наш гардероб — для платья гроб.
Сдав одежду — оставь надежду.
Гардеробщик.

БИЛЕТЫ продаются только в кассе.
БЕСПЛАТНО допускаются дети свыше 70 лет в сопровождении родителей.

Выпитые напитки обратно не принимаются
Буфетчица

ВНИМАНИЕ! Каждый, взявший **один** билет на первый спектакль «Петрушки», фактически посетит театр **два** раза (в первый и последний раз).

Администрация — «Петрушка».



Эй, шофер, гони скорее!..

(На мотив «Эй, ямщик, гони-ка к «Яру»).

На последнюю на марку
Я билет себе куплю,
Пусть мне будет очень жарко,
Пусть я ноги отдавлю,

Но «Петрушка» ставит пьесу,
И в автобус надо влезть,
Может быть, «для интересу»
В этой пьесе что-то есть!

Припев:

Эй, шофер, гони скорее,
Не жалей, ты, брат, авто,
Я немножечко попрею,
Но приеду в срок зато!

Донна-Мавра там играет,
Шерри-Бренди, граф Де-Пи,
Всякий это понимает,
Так гони скорей, не спи!

Ты колеса не сломаешь,
И бензин не зря сожжешь,
Ведь по марке собираешь,
И не даром нас везешь!

Припев:

Эй, шофер, гони скорее,
Не жалей, ты, брат, авто,
Я немножечко попрею,
Но приеду в срок зато!

ТЕАТРАЛЬНЫЕ БИЛЕТЫ

Раньше я врал здорово.

И не то, чтобы злоумышленно, — упаси Боже, — просто для впечатления.

И сильно получалось.

А теперь вот не вру, потому — заврался. Был такой случай.

Приезжаю я на-днях к своей ферлобте. Все чин-чином: воскресенье, солнце, понимаете, трамваи, а на мне новый галстук и глаженые штаны. Одним словом: кавалер.

Так вот, приезжаю я, высаживаюсь на вокзале, цепляюсь за трамвай, безропотно плачу 20 пфеннигов и жму первым долгом к кино. Там покупаю четыре билета: себе, своей ферлобте, ферлобтиной сестренке и сестренкиной мамаше.

То есть, если выразиться проще, — получается следующая картина: себе, своей ферлобте, ферлобтиной сестренке и ихней общей мамаше, т. е. моей будущей теще.

Потом таким-же порядком направляюсь к другому кино. И там тоже самое — четыре билета: себе, своей ферлобте, ферлобтиной сестренке и моей будущей теще.

Подумав малость, решил я купить еще пару билетов в театр.

— Ежели, — думаю, — явлюсь к ферлобте и предъявлю ей (конечно, в присутствии ее мамаши и сестренки), так вот, ежели предъявлю все 12 билетов, — получится сногсшибательная картина. Вроде, как гром с ясного неба. Притом-же новый галстук и глаженые штаны... С одной стороны: кавалер стопроцентный; с другой: человек состоятельный, с капиталом.

Так вот, решил я купить еще четыре билета в театр.

И вот захожу я за угол, вынимаю портмоне и пересчитываю свои капиталы. И тут же со скорбью замечаю, что моих денег, как говорится, кот наплакал. Не то, чтобы мало, (раз шесть на трамвай хватило бы проехаться), но все-же маловато. Махнул я рукой на театр. Во всяком случае, восемь билетов тоже не фунт изюму. Притом же — глаженые штаны и галстук. Эффект, можно сказать, сильный.

Потом отправляюсь я к своим знакомым. И было все так, как я предполагал.

Особенно новый галстук произвел впечатление. Вообще-же время послевоенное, разруха, трамвайное движение еще не полностью восстановлено, а тут, на этом фоне военных ужасов, — новый галстук.

Итак пошли мы в кино. Потом в другое.

А после мы возвратились домой и начали пить эрзацкафе.

И чувствовал я, братцы, что произвел фуррор. И видел я, что на меня смотрят с благоговением, даже с некоторым оттенком страха. И был я, братцы, в этот момент вроде принц или фюрер какой-нибудь.

Пьем мы, это самое, эрзацкафе. И шпрехаем о том, о сем... А теща, хрен ей в лопатки, все ахает да охает, все тоскует о моих деньгах, которые я истратил на кино. Ах, глупая баба. Она меня, можно сказать, и угробила.

— Ах, — говорит, — гер Владимир, вы столько истратили сегодня ради нас. Вы, — говорит, — истратили наверное целых десять марок?

А я, это самое, тереблю одной рукой новый галстук и отвечаю:

— Комсикомса, мадам теща. Напрасно, — говорю, — вы изволили беспокоиться. Я, — говорю, — в настоящий момент хоть и не располагаю миллионным состоянием, но, — говорю, — несколько тыщенок найдется.

Ах, братцы, видели бы вы мою тещу!

А ферлобта говорит:

— Ах, шац, зачем же в один день в два кино покупать билеты. Это, — говорит, — так дорого.

А я, это самое, тереблю одной рукой новый галстук, а другой вожу по выглаженым штанам:

— Комсикомса, вы еще ничего не знаете (нужно заметить, что я здорово по-немецки зашибаю). Так вот, — говорю, — вы абсолютно ничего не знаете. Ведь я, — говорю, — кроме восьми билетов в кино, имел еще четыре. Но, — говорю, — к сожалению, эти билеты пропали.

Побледнела моя теща...

— Битте, — говорит, — скажите, как это пропали. Почему-же вы их не продали?..

— Пхе, — говорю, — мадам теща, была охота с ними возиться. Для меня, — говорю, — время дороже, чем деньги. Мне, — говорю, — вообще наплевать на деньги.

Ах, друзья, видели бы вы мою тещу.
И вот сидим мы и пьем эрзацкафе.

А только у моей тещи руки дрожат и жидкость плещется из чашки. Жалко смотреть. Словом, я сразу заметил, что моя теща впервые сидит рядом с миллионером.

И вот ферлобта ложит свою прелестную головку ко мне на плечо и спрашивает:

— Битте, — говорит, — разрешите, гер Владимир, узнать, в какое кино вы имели билеты?

— И совсем, — говорю, — не в кино. Я, — говорю, — имел билеты в театр.

И только произнес я это самое слово «театр», как заметил, что истребил их совершенно. Теща даже кофием поперхнулась. А я, это самое, подливаю масла в огонь и говорю:

— И, представьте, самые лучшие места. Ложе, — говорю, — каждая ложь по шесть марок за штуку платил. Конечно, — говорю, — жаль, что эти билеты пропали, но, ничего, — говорю...

И здесь, братцы, произошло то, чего я никак не ожидал.

Замечаю я, — переглядываются мои знакомые. Ферлобта смотрит на мамашу, мамаша на сестренку, а сестренка на меня.

А я хоть бы что...

— Битте, — говорит теща, — скажите, в какой театр вы покупали билеты.

— Комсикомса, — говорю, — мне даже обидно, что вы совершенно не читаете афиш. Мне, — говорю, — даже стыдно за вас. В настоящее время, — говорю, — каждый культурный менш и всякий немец-патриот должен повседневно вникать в общественную жизнь родного города. Потом я, это самое, затягиваюсь папиросой и продолжаю:

— А имел я, — говорю, — билеты на гастроли оперетты. Самые лучшие места. Ложе с правой стороны, — говорю, — по семь марок за штуку.

А теща, хрен ей в лопатки, говорит:

— Гастроли оперетты? Это, — говорит, — те самые, что давали возле Гросе Казерне?

— Эти самые, — говорю и продолжаю курить.

А теща, язва ей в желудок, улыбается эдак ехидно и говорит:

— Позвольте, — говорит, — гер Владимир. Этот театр уже около две вохи, т. е. недели, — говорит, — как выехал отсюда.

После таких слов я даже сигарету пихнул жаром в рот.

— Как, — говорю, — выехал? А почему же афиши везде? Притом, — говорю, — я же собственноручно билеты покупал...

А теща роется в столе, вынимает газету и тычет пальцем в отдел реклам и объявлений. И вот читаю я, друзья, что театр оперетты в самом деле выехал отседова и в настоящий момент играет в городе Карлсруэ.

Побледнел я страшно, даже икать начал, и в один момент забыл немецкий язык.

И долго сидел я в таком положении, не отвечая на вопросы моей тещи и ферлобты, потому что решительно потерял дар речи.

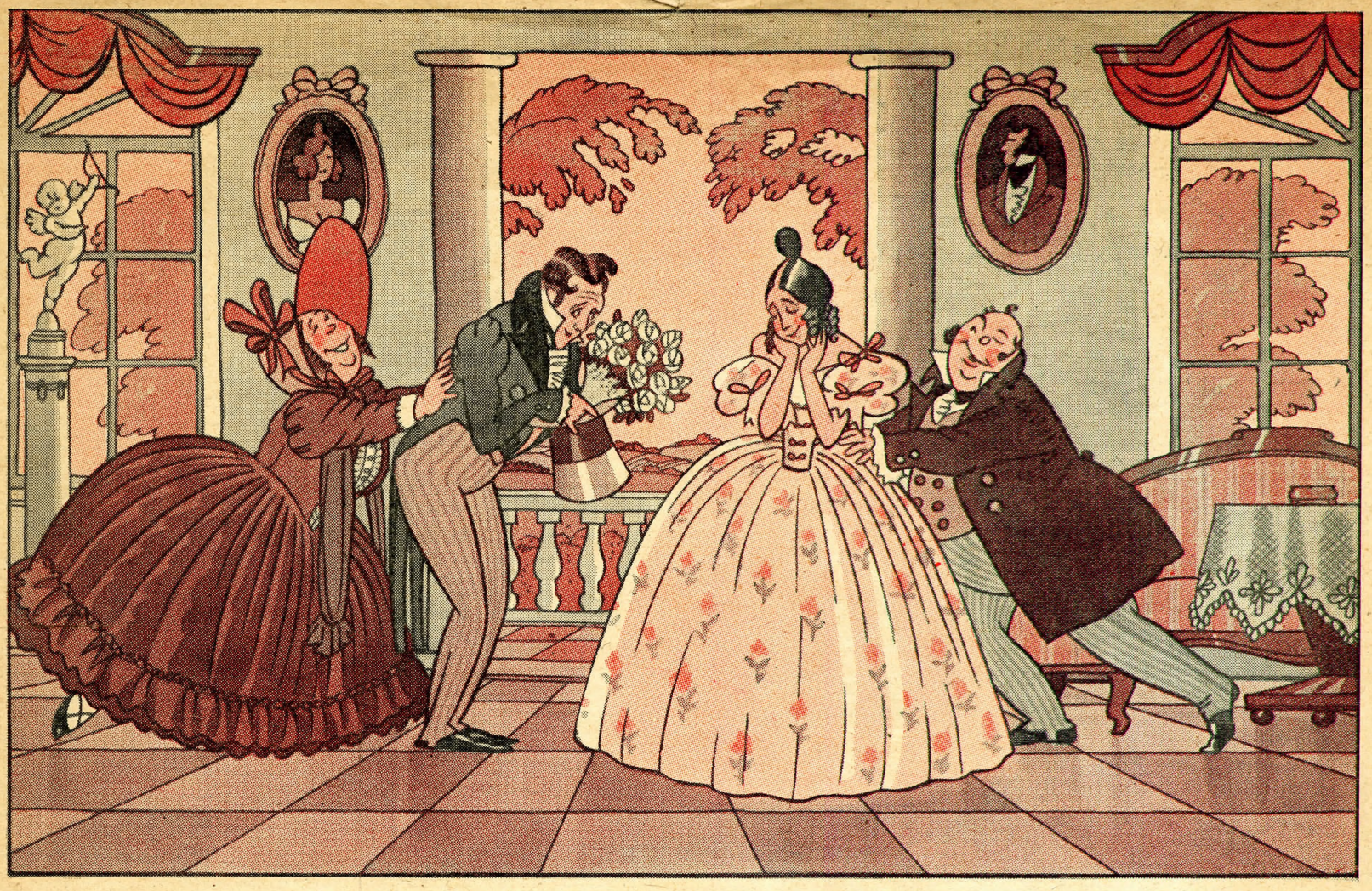
Знакомые мои зашумели, засуетились, а потом все втроем бросились на кухню за водой.

А я в этот момент цапнул со стола свою шляпу и еще какую-то вещь (кажется, скатерть), и со всех ног бросился вон из квартиры.

И с тех пор не показываюсь к ним. Сначала было, признаться, скучал за ферлобтой, а теперь ничего, нашел другую. Даже лучше прежней. И даже единственную память, т. е. скатерть, променял я на-днях на две буханки хлеба.

Последнюю память о любви, можно сказать.

Владимир Владеско.



То, что не пойдет у нас в театре

Из жизни кулис

(Театральные анекдоты).

Однажды Шаляпин выступал в одном из крупных губернских городов. Будучи широкой русской натурой, он, со свойственной ему прямотой, заломил такой гонорар, от которого у администратора волосы встали дыбом.

— Позвольте, — завопил несчастный, — у нас губернатор меньше получает!

— Ну, если губернатор вам дешевле обойдется, так пусть он и поет, — добродушно согласился великий артист.

—

В свое время директором императорских театров в России был некий князь О. Вращаясь в артистической среде, он, видимо, заразился тлетворным духом богемы и влез в непомерные долги.

Желая выручить артистичного князя, Император Александр III вызвал как-то его к себе, и вручил ему довольно объемистый манускрипт.

— Вот тебе пьеса для твоих театров, — сказал покойный царь, — прочтешь, и скажешь свое мнение.

Возвратившись домой, князь О. раскрыл рукопись, и, к своему вящему удовольствию обнаружил, что вся она состоит из довольно крупных ассигнаций, вклеенных в виде страниц и взятых в переплет наподобие книги.

Князь немедленно удовлетворил кредиторов, но... через месяц снова оказался в том же положении.

На одной из премьер Император вызвал его к себе в ложу.

— Ну, как, понравилось тебе мое сочинение? — спросил он князя.

— Чрезвычайно! Захватывающий сюжет! — воскликнул князь, — с нетерпением ожидаю второй части!

Царь был несколько озадачен, однако на следующий день прислал князю О. такую же «книгу». Но, увы! На последней странице большими буквами было написано: «конец».

—

Известная опереточная дива Кавецкая любила кутежи, а потому иногда являлась на спектакль несколько утомленной и голос ее звучал не так, как надо.

Директор театра, наконец, решился сделать ей деликатный намек.

— Дорогуша, — сказал он, — сегодня либо вы не в голосе, либо...

— Либо голос не во мне, — закончила артистка, отнюдь не лишенная остроумия.

—

Крупнейший театральный писатель всех времен — Виллиам Шекспир — личность отчасти загадочная. Целый ряд литературоведов с пеной у рта доказывает, что его пьесы фактически написаны философом Бэконом, графом Рэтлэндом, и т. д.

По поводу этих гипотез, иногда весьма фантастических, умерший недавно английский писатель Г. Уэллс выразился так:

— Конечно, шекспировские пьесы принадлежат не Шекспиру. Их написал совершенно другой человек с точно такой-же фамилией.

—

Весьма миловидная, но бедная начинающая артистка явилась в ресторан в дешевой шубке из обезьяннего меха. Стареющая примадонна, одетая в дорогое котиковое манто, не преминула ядовито намекнуть на это обстоятельство.

— Что-ж, — заметил находившийся в той же компании юморист Аверченко, — лучше котик в обезьяне, чем обезьяна в котике.

—

Артисты никогда не отличались особой любовью к политике и публицистике.

Рассказывают, что в одной театральной школе, на экзамене, разыгралась следующая сценка:

— Вы «Былое и Думы» читали?

— Н-нет...

— А «Кто виноват»?

— Я, господин профессор...

— А «Что делать»?

— Подучить и придти еще раз...

—

В одном сугубо-провинциальном городке бывшего юго-западного края, заезжая театральная звезда советует режиссеру местной оперетки:

— Вы бы поставили что-нибудь более серьезное, например, э... «Гугеноты».

Режиссер задумался.

— Ну, гуги мы еще помним, а вот ноты-таки совершенно забыли, — сознался он наконец.

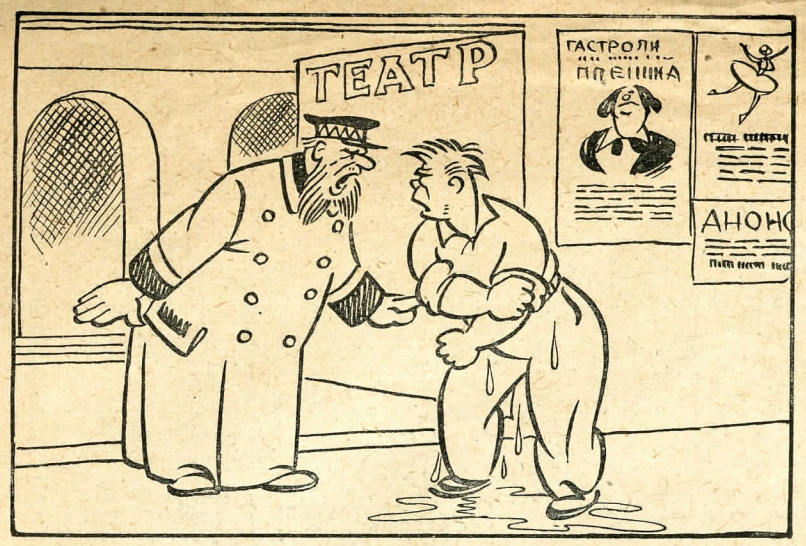
Каким-то странным стал весь мир,
И не понять в нем ни бельмеса,
Тут не годится стиль ампир,
И не пройдет такая пьеса.

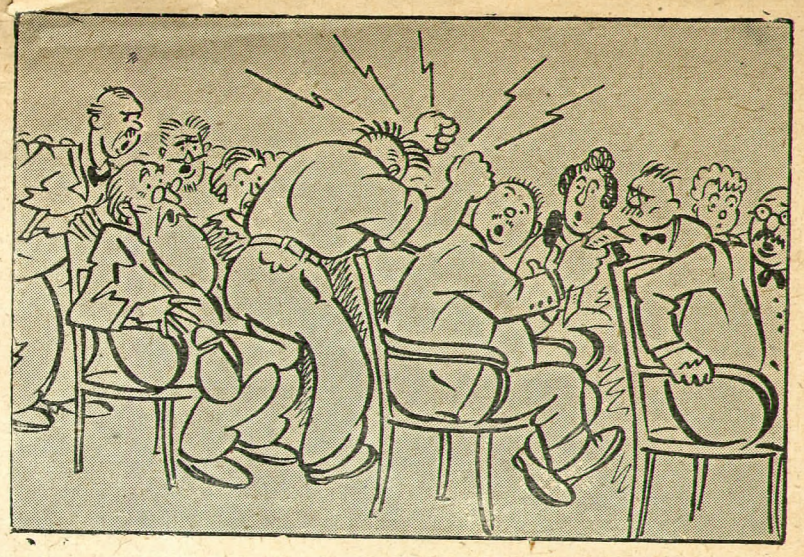
Когда все задом наперед
В тревожной жизни повседневной, –
Тургенев к нам не подойдет
Со старым «Месяцем в деревне».

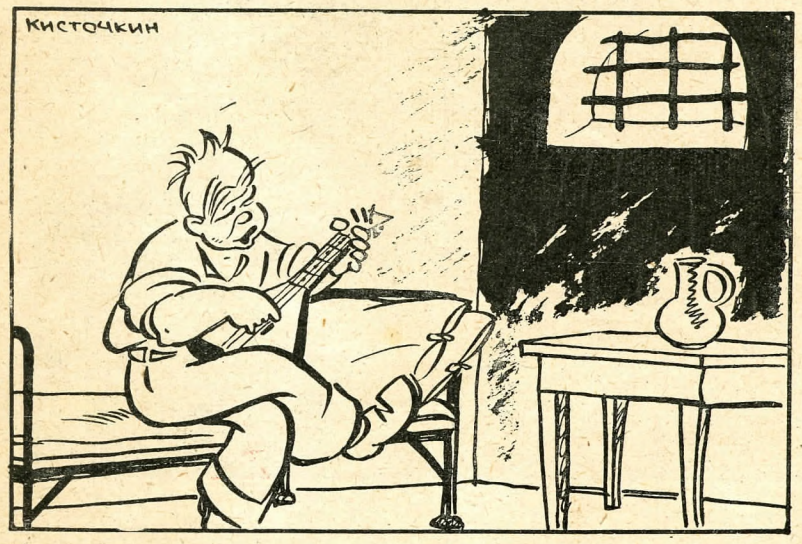
Деревня, видите-ль, не та,
И из нее все вон стремятся,
В ней не достанешь ни черта,
А будешь только зря слоняться.

Ведь там ни дел, ни УНРР'ы нет,
Жить штатенлосу в ней негоже,
И даже пачка сигарет
Там вдвое Мюнхена дороже.

И потому и оттого
Другую пьесу вам мы ставим...
Хоть не понять в ней ничего,
Но, все-же, вас мы позабавим!







ИСТОРИЯ ОДНОГО ЗРИТЕЛЯ, ИЛИ В ЗДОРОВОМ ТЕЛЕ НЕЗДОРОВЫЙ ДУХ.

Как известно, наши соотечественники отличаются благонравием и кротостью духа. Но нет правил без исключений.

Именно таким чудовищным исключением был Вася Помордасов. В день спектакля «Петрушки» он прежде всего выпил стакан водки (мы чувствуем, как читатель бледнеет!). Это Вася называл «з а р я д к о й».

Затем разгоряченный Вася отправился на спектакль. Ввиду того, что швейцар не пропускал его без билета, он вступил с ним в так называемую р у с с к о - ш в е й ц а р с к у ю борьбу. Пробивая себе далее путь в партере, Вася прибег к п а р т е р н о й борьбе. И что-же? В результате, вместо веселого спектакля «Петрушки», Вася был вынужден удовольствоваться небольшим концертом т. наз. к а м е р н о й музыки. Это было уже, так сказать, в з а к л ю ч е н и и.

Как видите, Вася был хорошим спортсменом и имел здоровое тело. Но дух у него был нездоровый. Так называемый спиртной дух.

В этом рассказе есть 2 морали:

1. Не пей перед спектаклем «Петрушки» (пей после, вместе с артистами).
2. Запасись заранее билетами на спектакль.

Классический РЕПЕРТУАР

Бессмертные олимпийцы, так тепло и чутко отзывавшиеся на все наши начинания, не замедлили откликнуться и на театр «Петрушки».

Весть о нашем спектакле распространилась по Олимпу несравненно быстрее, чем все панические слухи, разносящиеся по лагерям «Ди-Пи».

Раньше всех откликнулся до сих пор молчавший **Н. В. Гоголь.** Его письмо, адресованное в редакцию, гласит:

Театр «Петрушка»! Благословляю.

Петрушка мне мил. Нельзя-ли только где-нибудь пристроить и бедного безработного Селифана. Кучер он, все-таки, неплохой, хотя Чичиков и ругал его за бричку. Попробуйте перевести его на «Джип»... Может быть, тогда доедет, куда надо... А из пьес предлагаю на выбор: «Мертвые души». Сюжет весьма подходящий для заведующих продовольственными складами в лагерях. Впрочем, «Ревизор» тоже неплох для некоторых Тимов и больших складов. «Женитьба», на мой взгляд, требует основательной переработки в том смысле, что Подколесин должен быть служащим УНРР'ы и невесты являются к нему непосредственно на квартиру. Прыжок из окна — на ваше усмотрение.

Н. В. Гоголь.

Маститый драматург **А. Н. Островский** предложил такое большое количество пьес, что мы прямо растерялись. Пришлось сделать тщательную выборку и остановить свое внимание на самых актуальных. Например: «Без вины виноватые» — специально для всех Ди-Пи. Очень поучительная вещь, и морали хоть отбавляй.

Для директоров и прочих влиятельных лиц, мы решили поставить «Доходное место».

Для украинско-русских лагерей очень хорошо подходит «Свои люди — сочтемся».

Антон Павлович Чехов написал чрезвычайно теплое письмо. Но, по своей доброте и исключительному альтруизму, он недооценил современной обстановки, и прислал «Три сестры» без основательной переделки в части, касающейся стремлений вышеуказанных девиц в столицу. Современным барышням штатенлосского и

другого происхождения, скорее подходит монолог Чацкого, прямо противоположный мечтам наивных чеховских сестер.

Что касается «Дяди Вани», — то мы с ним хорошо знакомы.

Сейчас он живет в провинции и изредка приезжает в Мюнхен с «цитронами», табаком и бараниной. «Небо в алмазах» ему совершенно ни к чему. Отдохнуть он пока еще тоже не собирается, т. к. пару раз «отдыхал» в Эм-Пи без особого удовольствия. А что касается алмазов, или бриллиантов, то он предпочитает держать их в собственном кармане, весьма благоразумно считая, что это теперь более надежный сейф, чем небо.

Грибоедов, по слухам, ничего нового, кроме «Горя от ума» не написал.

Вероятно потому, что после восстания в Тегеране, у него были оторваны обе руки. А стенотипистов на Олимпе только всего одна, да и та Анна Григорьевна Достоевская, не успевающая справляться с работами мужа. И, кажется, олимпийский воздух вроде мюнхенского, и не особенно благоприятен для его своеобразного таланта.

Для спекулянтов особенно хорош афоризм: «Советую вам для прогулок подальше выбрать закоулок».

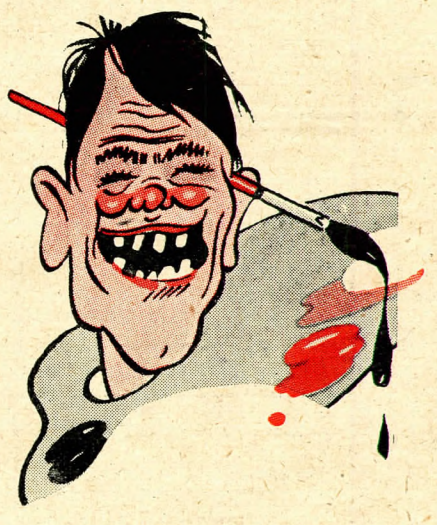
Александр Сергеевич Пушкин, очевидно, встречал новый год по старому стилю, а потому его письмо пришло позже других.

«Бориса Годунова» мы взяли бы для постановки с большой готовностью. Однако, ввиду ограниченности наших возможностей, мы боимся, что не сможем провести этого спектакля с надлежащей торжественностью.

Поэтому мы решили написать всю пьесу заново, с другими персонажами, исключив оттуда царя и бояр, так как они не соответствуют демократической эпохе. Но, как дань гению, мы все-же предполагаем сохранить для пьесы имя Пушкина и, в назидание потомству, одну фразу: «Народ безмолвствует».

Что же касается «Евгения Онегина», то его, к сожалению, уже использовал для постановки конкурирующий ансамбль. Во-первых, мы не хотим жить чужими лаврами, в особенности, если они летят на сцену в виде тяжелых предметов домашнего обихода. Мы, при нашей хрупкой конструкции, таких лавров не перенесем. Во вторых, наш премьер,—граф Жорж Де-Пи, категорически отказался от исполнения заглавной роли, заявив, что она не в его творческом диапазоне.

В третьих, Шерри-Бренди хотя и признал, что он с детства и до ста лет чувствовал себя Ленским, но потребовал слишком больших изменений, на что не согласились остальные. Например, ария «Куда, куда вы удалились?» по его мнению должна была быть исполнена в ресторане «Самовар» перед пустой бутылкой. «Самовар» — это еще куда ни шло, но вместо Ольги бутылка, — это уже ни к черту не годится!



М. Ю. Лермонтов вначале предложил «Маскарад», но потом изменил свое решение и ограничился лишь «Демоном». На этот счет мы тоже подумали и пришли к выводу, что будет неплохо. В нашей жизни есть много и динамичного и демонического. И, что еще существеннее, — заглавная роль очень понравилась нашему художнику Кузе. Он попросил только переделать некоторые арии, применительно к своеобразным манерам его творчества, расставив в тексте необходимое количество междометий, вроде „э-э-э", или „а-а-а", по системе художественного заикания.

Звучать это должно, примерно, так:

Э-э-э, — на воздушном океане,
Э-э-э, — совсем без папирос,
А-а-а, — с маркою в кармане,
Э-э-э, — гуляет штатенлос.

Дальнейшие сведения о предложенных олимпийцами пьесах для нашего театра мы сообщим в следующем номере.

Собрал Шерри-Бренди.

ВИСБАДЕНСКИЙ СКЛАД РУССКИХ ИЗДАНИЙ

К РУССКИМ ЧИТАТЕЛЯМ.

Висбаденский склад русских изданий высылает отдельным лицам и организациям

русско-немецкий и немецко-русский словарь

карманного формата, 30.000 слов, 661 стр., с приложением географических названий, имен числительных, и т. д., отпечатанный типографским способом, на хорошей бумаге и в хорошем переплете.

Цена обоих словарей: **Мк. 29.50.**

На заказы свыше 50 экз. скидка 25 проц. Словарь высылается только по уплате его стоимости. Заказы и денежные переводы направлять по ниже указанному адресу.

Готовятся к печати и поступят на склад:

русско-английский и англо-русский словарь, 45.000 слов, цена: Мк. 24.50.

русско-французский и франц.-русский словарь, 30.000 слов, цена: Мк. 25. —

учебник испанского языка и словарь, 24.000 слов. цена: Мк. 21. —

С совершенным почтением

Г. Лях.

GREGOR LACH

Wiesbaden, Lessingstr. 13/I

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗ'ЕЗД

О. Мандельштам

ЛЕТАЮТ ВАЛЬКИРИИ, ПОЮТ СМЫЧКИ,
ГРОМОЗДКАЯ ОПЕРА К КОНЦУ ИДЕТ.
НА МРАМОРНЫХ ЛЕСТНИЦАХ ГАЙДУКИ
С ТЯЖЕЛЫМИ ШУБАМИ ЖДУТ ГОСПОД.

УЖ ЗАНАВЕС НАГЛУХО УПАСТЬ ГОТОВ,
ЕЩЕ РУКОПЛЕЩЕТ В РАЙКЕ ГЛУПЕЦ,
ИЗВОЗЧИКИ ПЛЯШУТ ВОКРУГ КОСТРОВ,
КАРЕТУ ТАКОГО-ТО! РАЗЪЕЗД. КОНЕЦ.

ОБ'ЕВЛЕНИЯ*)

Сезон 1947 года

В ТЕАТРАХ

ряд
НОВЫХ ПОСТАНОВОК
старого вопроса:

Театр «УНРРА»

ежедневно «ЖИВОЙ ТРУП»

Русский Театр Лагерной Драмы

«Бедность не порок, но большое свинство»
«На дне»

Украинский Театр Лагерной Мелодрамы

«Зачароване коло»
«Ой, не ходи Грицю в кріміналь-поліцію»

Театр Индивидуальных Исканий

«Искатели жемчуга»
«Король Лир и Долларов»

Театральный магазин
ВСЕ ДЛЯ ЗРИТЕЛЯ!
ВЕНКИ лавровые и терновые
БУКЕТЫ цветов и хороших вин
ЯЙЦА тухлые и свежие

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ
НОВОЙ ПЕСНИ

Исполнено будет:
УНРР'овский романс —
«Не уходи, побудь со мною...»
Песня израсходовавшего дрова —
«Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской, как печально твой штер догорает...»
Шлягер футболиста —
«Что наша жизнь? — Игра!..»
Ария домашней хозяйки —
«Ах, утомилась, устала я...»
А также современные
застольные и подстольные
песни.

Вокально-Музыкально-Выпивальный

Ансамбль

«Кому не лень»

Прием артистов на все роли

Свидетельство об окончании школы хореографии, стенографии или географии **достаточно.** Справки о бухгалтерских и акушерских курсах **действительны.**

Физические дефекты **не** служат препятствием.

Глухонемые без ног принимаются **только на вторые роли.**

При заявлении прилагать **две** карточки (фотографическую и продуктовую).

Администратор Я. Халтурян.

КОСТЮМЕРНАЯ МАСТЕРСКАЯ
«ПУХ И ПРАХ»

изготовляет костюмы **из своего материала**
На складе имеются следующие костюмы:

1. **«Афродита, выходящая из морской пены»** (пена за счет заказчика),
2. **«Греческий юноша на соревнованиях»** (фиговый листок оплачивается особо),
3. **«Сусана в ванне»** (ванна не обеспечивается),
4. **«Негритянский вождь в дезабилье»** (дезабилье состоит из копья),
5. Символический костюм **«Голая правда»** (весьма популярен среди борцов за правду).

СПЕШИТЕ ПРИОБРЕСТИ!

БОЛЬШОЙ УСПЕХ НА СЦЕНЕ И В ЖИЗНИ!

РАЗЫСКИВАЮ

сына (возможно, дочь), родившегося (возможно, нет) в пределах государственных границ Германии (возможно, вне их).
Артист оперетты
Анатолий Мотыльков-Перелетный.

ИЩУ

молодую, неопытную секретаршу, не знающую бухгалтерии.
Опытный администратор

Вечер старинной Русской и Прусской песни

Нимфы Ивановны Газель
в программе:
«Во саду ли в огороде»,
«Граф Люксембург»,
«Лили Марлен»,
«Эх, яблочко, куда котишься!» и др.

По желанию почтенной публики
романсы исполняются на русском, прусском, индусском, зулусском и проч. языках.

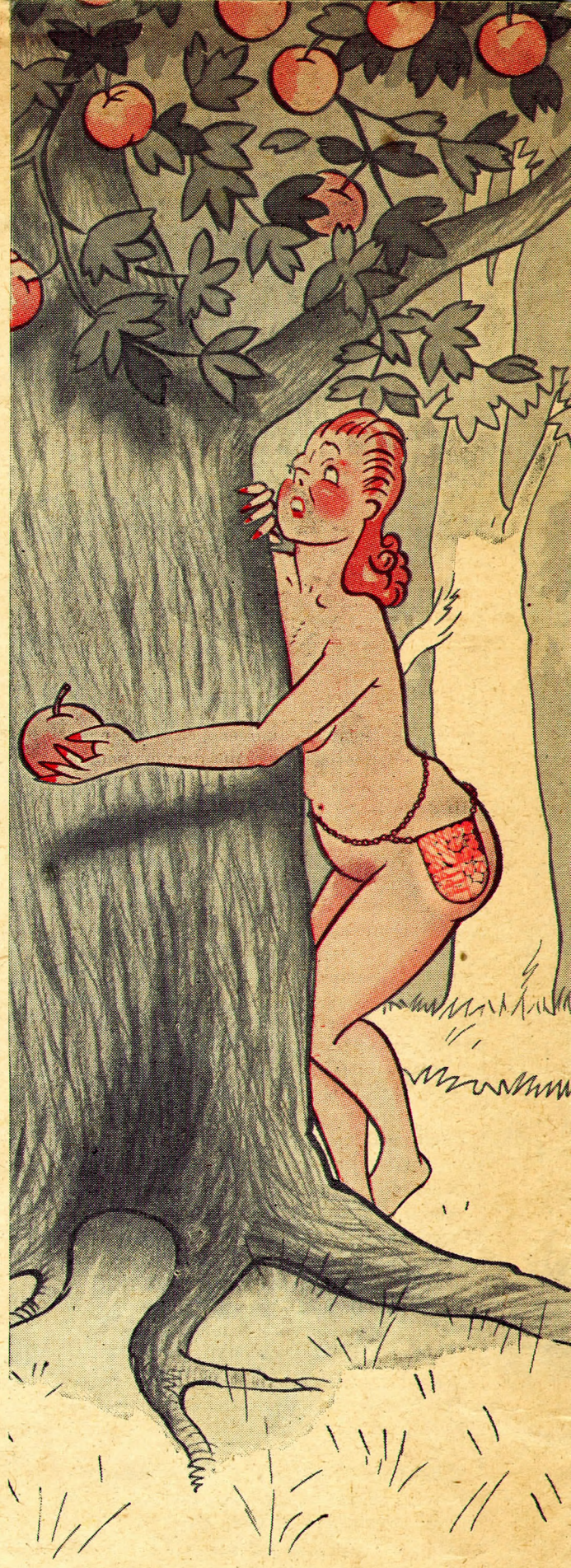
МЕНЯЮ

премьершу 60-ти лет на три по 20 в разных частях города.
Режиссер.

Артисту графу Жоржу Де-Пи предлагаем
2000 Марок за выход
из состава труппы.
Произносит все реплики, кроме собственных!

Ответ графа Жоржа

И не надо! Сам буду играть все роли, а на свою приглашу кого-нибудь. Тоже мне Мочаловы-Качаловы!



***)Мы уже указывали, что наш наборщик женится. В нем проснулся ветхий Адам, и в мечтах о своей Еве он набрал вместо «объявления» — «объевления». Нам ничего не оставалось, как поместить сюда-же и Еву во всей ее соблазнительной красоте.**

Начинающей балерине нужны

ПАЧКИ

Предпочтительно Пель-Мель или Кэмель.